

В первую пятницу июня Ся Сицин внезапно предложил Чжоу Цзихэну взять его с собой в поездку за границу.

В то время Чжоу Цзихэн резал для него яблоки, и длинная красная кудрявая кожура была так изломана, что ему стало жаль.

— Куда идти? - Чжоу Цзихэн сам откусил от яблока.

Ся Сицин был тронут его хрустящим, полным сока голосом. Взяв яблоко в руку, он откусил и неопределенно сказал.

— Флоренция.

Он говорит по-итальянски. Это первый раз, когда Чжоу Цзихэн услышал, как он говорит по-итальянски. Он думал, что тот свежий и полный очарования.

Знакомые слоги заставили его отреагировать мгновенно:

— Флоренс?

Ся Сицин кивнул:

— Разве ты не всегда хотел, чтобы мы путешествовали вдвоем? Так уж получилось, что я хочу вернуться и повидаться со своим учителем, и у меня есть кое-что, что его беспокоит.

С тех пор как Чжоу Цзихэн узнал об этом плане, он каждый день находится в состоянии крайнего возбуждения. Изначально он был человеком, который должен тратить много времени на планирование заранее, независимо от того, что он делает, например, снимается в кино или писать диссертацию. Типичные правила ведения дел для людей строгой науки.

Но Ся Сицин был полной противоположностью. Он был свободен и аккуратен, и куда бы он ни пошел, все считалось.

Увидев информацию, собранную Чжоу Цзихэном, Ся Сицин почувствовал себя смешным и беспомощным.

— Эй, ты едешь со мной в мою альма-матер, а не бесплатно путешествовать. - Ся Сицин ткнул пальцем в лоб Чжоу Цзихэна. — Почему ты выставляешь себя гидом? Разве я не узнаю дорогу, молодой мастер Чжоу?

Чжоу Цзихэн схватил его указательный палец, поднес его ко рту и поцеловал, целуя тонкие

тычинки, как колибри:

— Я знаю, но я также хочу знать о городе, в котором ты ходишь в школу, чтобы не быть слишком невежественным.

— Неважно. - Ся Сицин скрестил ноги и сел напротив него, намеренно поддразнивая его. — В любом случае, мне не нравится твой подтекст.

Как только он закончил говорить, Чжоу Цзихэн в оцепенении бросился на Ся Сицина, положив голову ему на плечо, повернул его голову в сторону и слегка поцеловал его в шею. Поцелуя было недостаточно. Он открыл рот и прикусил его кожу, и он слегка прикусил под кожей. Бьются кровеносные сосуды.

— Ты что, собака? - Ся Сицин так сказал, но его две руки автоматически обхватили спину Чжоу Цзихэна.

— Это больно?

— Все в порядке.

Итак, он откусил еще кусочек, боль заставила Ся Сицина вздохнуть с облегчением, он ущипнул его за лицо обеими руками и притянул к себе, тер и тер это прекрасное лицо, а затем необъяснимым образом получил еще один поцелуй.

Ему также слишком нравится Чжоу Цзихэн.

Ся Сицин, который целовался до тех пор, пока не перестанет дышать, думал так.

В первый день рабочего дня они вдвоем в сдержанной манере вылетели в Италию.

После более чем десятичасового перелета они прибыли во Флоренцию уже ранним утром.

Из-за специфики своей работы Чжоу Цзихэн никогда не путешествовал в одиночку. Каждый раз, когда Сяо Ло и другие сотрудники следуют за ним, везде, куда бы он ни направлялся, находится много людей. Но Ся Сицин - нет. Он всегда был одиночкой, особенно когда бывал за границей.

— Где находится наш отель? - Положив чемодан в багажник такси, Чжоу Цзихэн сел в машину и спросил Ся Сицина. — Это близко?

Ся Сицин, естественно, оперлся на плечо Чжоу Цзихэна:

— Я не бронировал отель.

— Не забронировал отель? - Чжоу Цзихэн не поверил в это. — Тогда где же мы живем?

— Давай поспим на улице. - В голосе Ся Сицин звучала улыбка.

Водитель - дядя-итальянец лет пятидесяти. Его тучная фигура сдавливается маленьким сиденьем, но голос у него очень сердечный. Когда он видит двух молодых людей с азиатскими лицами, его первая реакция - заговорить с ними на своем убогом английском с сильным итальянским акцентом. Но Ся Сицин ответил прямо по-итальянски:

— Вы можете говорить по-итальянски.

Дядя не может сдержать легкого удивления:

— Твое произношение действительно аутентичное.

— Раньше я был учеником Красоты Будды.

Ся Сицин улыбнулся, поднял голову и назвал водителю адрес, по которому они направлялись. Так совпало, что дом дяди-энтузиаста находился неподалеку. Они немного поболтали, прежде чем он нажал на газ и поехал в направлении их дома поздно ночью.

Чжоу Цзихэн сидел в стороне, глядя на Ся Сицина своими глазами. То, как он говорит по-итальянски, полностью отличается от того, как он говорит по-китайски. На его лице много ярких маленьких выражений. Когда он произносит слова, он всегда непроизвольно поджимает губы, быстро и слегка. Маленький язычок, спрятанный в них, и язычок, спрятанный в них, одинаковы. Десны сталкиваются, издавая игривую вибрацию, и иногда совершая какие-то жесты, с улыбками в уголках глаз и бровей.

— Дома здесь очень красивые, у вас отличный вкус. - Дядя очень искренне похвалил, когда вышел из машины.

— Я тоже так думаю. - Ся Сицин улыбнулся

— У вас есть взятая напрокат машина? - Дядя положил руку на окно машины и беспокоился о нем.

— Нет. - Ся Сицин покачал головой. — Но я подумаю об аренде машины завтра.

Чжоу Цзихэн стоял рядом с ним и безучастно наблюдал.

Он подумал, что Ся Сицин был таким милым, когда произнес это без предложения, в отличие от четкого отрицательного предложения на английском с тяжелым носовым звуком.

Место первоначального произношения – это не рот и не голосовые связки, а носовая полость.

Его нос был слегка сморщен, и в носовой полости ощущался липкий резонанс, похожий на эм. Его плечи немного съежились, сопровождаемые легким покачиванием головы, и, наконец, мягкий язык достиг верхней челюсти и быстро покинул ее. Все мелкие детали составляют такое маленькое «нет».

Это так мило, как котенок, который отказывается, чтобы к нему прикасались.

— Тогда я желаю вам хорошо провести время, прекрасные восточные мальчики.

Водитель уехал, высадив их в тихом переулке. По обе стороны стоят красивые дома в итальянском стиле. Круг заостренных синусоидальных лун висит в узком небе у входа в переулок, излучая яркий серый свет.

Чжоу Цзихэн заговорил, только что узнав тон Ся Сицина:

— Ты только что сказал «нет»?

Правая бровь Ся Сицина была приподнята, и на его лице появилась удивленная улыбка. Он был достоин звания отличника, но ему хотелось подразнить Чжоу Цзихэна, поэтому он пожал плечами:

— Бо~

Еще одно милое словечко, сердце Чжоу Цзихэна снова беспокойно забилося. Прыжок, странные слова, которые вылетели изо рта Ся Сицина, были такими же болезненными, как маленькие аютины глазки на обочине дороги.

— Что это значит?

Чего Чжоу Цзихэн не знает, так это того, что по сравнению с простым отрицательным предложением, слово тона Бо более игривое, означающее «Я не знаю», вы можете сказать это в любое время.

Ся Сицин также любит использовать это слово, выражая его устно.

— Бо.

— Что именно это значит? - спросил Цзихэн.

Чжоу Цзихэн последовал за ним с чемоданом.

Они вдвоем поднялись по зеленой кованой железной лестнице снаружи бежевого дома. Z-образная лестница дважды поворачивала назад и вперед и, наконец, достигла верхнего этажа. Шаги Ся Сицина остановились перед западной синей дверью, он обернулся и сказал Чжоу Цзихэну в последний раз:

— Бо~

Сказал после этого, он воспользовался ситуацией и выплюнул язык.

Такого рода злонамеренная продажа привлекательности - просто удар по сердцу Чжоу Цзихэна.

Прежде чем Ся Сицин успел возгордиться, Чжоу Цзихэн прислонился к синей двери комнаты, обхватил его руками за талию и напрягся, разделенные тонкой хлопчатобумажной блузкой, два тела с теплой температурой тела были соединены вместе.

Холодный белый лунный свет прошел мимо ушей Чжоу Цзихэна, осветив лицо Ся Сицина, смягчая хитрую улыбку на его лице.

Чжоу Цзихэн опустил голову, и прямая переносица его медленно потерлась о кончик носа Ся Сицина. Его голос был очень глубоким, пропитанным ночью.

— Ты слишком плох?

Ся Сицин поднял голову, его полные губы слегка приоткрылись, а влажные глаза смотрели на опущенные глаза Чжоу Цзихэна, а руки свободно лежали на его скрещенных костях.

Позвольте ему двусмысленно потереть это вот так.

Только когда Чжоу Цзихэн поднял глаза, чтобы снова посмотреть на него, Ся Сицин заговорил, используя самое доброе и чистое лицо, чтобы сказать ему соблазнительные слова.

— Если ты не поцелуешь меня сейчас, мне станет хуже.

Эти слова были смешаны со слишком большим количеством мягких звуков ци, от которых сердце Чжоу Цзихэна увлажнилось. Как только он опустил голову, чтобы поцеловать Ся Сицина, его избегали с улыбкой:

— Слишком поздно.

Он достал ключ из кармана джинсов, опустил голову и открыл дверь, которую не открывали больше года. Сначала он протянул руку и включил свет внутри.

Теплый желтый свет мгновенно наполнил этот маленький номер, а бежевые стены были теплыми и красивыми.

— Что именно означает бо.

Ся Сицин выразил беспомощность по поводу своего хобби – прилежной учебы – и вошел в комнату со своим багажом:

— Я не знаю.

— Как так получилось, что ты не знаешь? – Чжоу Цзихэн также принес еще один чемодан побольше, поставил его рядом с его в углу, а затем взял Ся Сицина за руку.

— Бо означает «Я, не, знаю», познавай.

Ся Сицин схватил Чжоу Цзихэна за руку и потянул его к маленькому дивану в гостиной, чтобы сесть. В тот момент, когда его усталое тело опустилось на мягкий диван, он от всего сердца испустил приятный вздох, глядя в потолок.

Отделка этого небольшого дома очень интересна. Мебель в гостиной выполнена в прекрасном итальянском классическом стиле. Даже кофейные чашки изящны, как резные произведения искусства. Кирпично-красный потолок выглядит как панели из красного дерева, склеенные по частям, но если присмотреться, кажется, что он раскрашен.

Хрустальные светильники на потолке отражают разноцветный стеклянный свет, образуя одно за другим большие и маленькие отверстия на маленьких подвесках.

Но дом снова полон фейерверков. На грязно-белых стенах много картин, некоторые из которых богато раскрашены маслом, но большинство из них – случайные наброски, которые немного неаккуратны, и есть страницы, вырванные неизвестно откуда. Вместе с картиной они прибиты маленькими серебряными кнопками на стене.

Эти мелкие детали жизни полностью в стиле Ся Сицина.

— Это тот дом, в котором ты жил, когда ходил в школу?

— Точно. - Ся Сицин склонил голову набок к шее Чжоу Цзихэна. — Я все еще жил здесь в конце февраля прошлого года.

Чжоу Цзихэн действительно думал, что Ся Сицин должен жить за пределами школы, но он никогда не думал, что это такой маленький номер с одной спальней.

Но после того, как он подумал об этом, он почувствовал, что это очень похоже на то, где должен был жить Ся Сицин.

— Прошло больше года с тех пор, как ты уехал, разве домовладелец не сдавал дом кому-то другому?

— Прошло больше года с тех пор, как ты уехал, разве домовладелец не сдавал дом кому-то другому?

Ся Сицин покачала головой:

Ся Сицин покачала головой:

— Домовладелица - очень милая пожилая леди. Я специально попросил ее сохранить дом для меня, и тогда я буду регулярно платить ей арендную плату. Потому что в то время я не думал, что смогу оставаться в стране слишком долго, мне всегда приходилось возвращаться.

— Домовладелица - очень милая пожилая леди. Я специально попросил ее сохранить дом для меня, и тогда я буду регулярно платить ей арендную плату. Потому что в то время я не думал, что смогу оставаться в стране слишком долго, мне всегда приходилось возвращаться.

Как он сказал, Ся Сицин начал высказываться:

Как он сказал, Ся Сицин начал высказываться:

— Этой бабушке семьдесят лет, и она живет на втором этаже первого этажа со своей женой. У них также есть очень милая маленькая внучка. Каждое утро бабушка садится на маленькую скамеечку у двери первого этажа и расчесывает внучке волосы. Когда она встречает меня внизу, она с большим энтузиазмом поднимет, руку, чао~ - Он снова улыбнулся, узнав, как бабушка домовладелец приветствовала его.

— Этой бабушке семьдесят лет, и она живет на втором этаже первого этажа со своей женой. У них также есть очень милая маленькая внучка. Каждое утро бабушка садится на маленькую скамеечку у двери первого этажа и расчесывает внучке волосы. Когда она встречает меня внизу, она с большим энтузиазмом поднимет, руку, чао~ - Он снова улыбнулся, узнав, как бабушка домовладелец приветствовала его.

Чжоу Цзихэну нравится слышать, как он говорит это. В это время его слабое воображение может внезапно включиться. Он представил, как Ся Сицин поспешно спускается вниз с сумкой за спиной и здоровается с бабушкой.

Чжоу Цзихэну нравится слышать, как он говорит это. В это время его слабое воображение может внезапно включиться. Он представил, как Ся Сицин поспешно спускается вниз с сумкой за спиной и здоровается с бабушкой.

— Ее жена раньше была сапожником, чинившим кожаную обувь. Она была очень хороша в мастерстве. Многие люди искали ее, поэтому она часто носила с собой свой маленький ящик с инструментами. Когда я возвращаюсь, я всегда приношу бабушке маленький цветок, иногда ирис, иногда розу.

— Ее жена раньше была сапожником, чинившим кожаную обувь. Она была очень хороша в мастерстве. Многие люди искали ее, поэтому она часто носила с собой свой маленький ящик с инструментами. Когда я возвращаюсь, я всегда приношу бабушке маленький цветок, иногда ирис, иногда розу.

— Всякий раз, когда я вижу, как она расставляет цветы для бабушки, я думаю: «так приятно быть живым».

— Всякий раз, когда я вижу, как она расставляет цветы для бабушки, я думаю: «так приятно быть живым».

Ся Сицин вздохнул с улыбкой, затем упал боком на бедро Чжоу Цзихэна, посмотрев на потолок, опустив взгляд с потолка к глубоким глазам Чжоу Цзихэна.

Ся Сицин вздохнул с улыбкой, затем упал боком на бедро Чжоу Цзихэна, посмотрев на потолок, опустив взгляд с потолка к глубоким глазам Чжоу Цзихэна.

Он вытянул пальцы и нежно провел вдоль переносицы его высокого носа, вплоть до уголка губ Чжоу Цзихэна, тщательно обводя форму его губ, как нежнейшими мазками кисти.

Он вытянул пальцы и нежно провел вдоль переносицы его высокого носа, вплоть до уголка губ Чжоу Цзихэна, тщательно обводя форму его губ, как нежнейшими мазками кисти.

— Пока ты живешь достаточно долго, ты всегда встретишь кого-то, кто сможет в тебя влюбиться. - Пробормотал Ся Сицин себе под нос.

— Пока ты живешь достаточно долго, ты всегда встретишь кого-то, кто сможет в тебя влюбиться. - Пробормотал Ся Сицин себе под нос.

Сердце Чжоу Цзихэна сильно подпрыгнуло, как будто в него легонько ткнули этим тонким

пальцем.

Сердце Чжоу Цзихэна сильно подпрыгнуло, как будто в него легонько ткнули этим тонким пальцем.

Он опустил голову и поцеловал тонкие веки Ся Сицина.

Он опустил голову и поцеловал тонкие веки Ся Сицина.

Немного передохнув в гостиной, Ся Сицин отвел его в свою бывшую спальню. Ванная была довольно большой. Приняв душ, они вдвоем переоделись в широкие футболки. Ся Сицин сел на кровать, скрестив ноги, и замолчал. Чжоу Цзихэн встал у кровати, чтобы помочь ему. Дул волосы, нежно перебирал их пальцами, нежно расчесывая кожу головы.

Немного передохнув в гостиной, Ся Сицин отвел его в свою бывшую спальню. Ванная была довольно большой. Приняв душ, они вдвоем переоделись в широкие футболки. Ся Сицин сел на кровать, скрестив ноги, и замолчал. Чжоу Цзихэн встал у кровати, чтобы помочь ему. Дул волосы, нежно перебирал их пальцами, нежно расчесывая кожу головы.

— К счастью, бабушка домовладелец всегда просит кого-нибудь помочь мне с уборкой, так что я могу сразу лечь спать, иначе только на уборку комнаты уйдет вся ночь. — Ся Сицин посмотрел на стену. — Но это на стене слишком грязно.

— К счастью, бабушка домовладелец всегда просит кого-нибудь помочь мне с уборкой, так что я могу сразу лечь спать, иначе только на уборку комнаты уйдет вся ночь. — Ся Сицин посмотрел на стену. — Но это на стене слишком грязно.

Он говорил о картинах, развешанных по стенам спальни. На самом деле они не считаются работами Ся Сицина. Все это полуфабрикаты, которые дают выход эмоциям. Некоторые даже не полуфабрикаты. Это просто беспорядочное нагромождение линий.

Он говорил о картинах, развешанных по стенам спальни. На самом деле они не считаются работами Ся Сицина. Все это полуфабрикаты, которые дают выход эмоциям. Некоторые даже не полуфабрикаты. Это просто беспорядочное нагромождение линий.

Услышав его слова, Чжоу Цзихэн также сосредоточился на картинах на стене. Честно говоря, большинство из этих картин очень абстрактные и даже темные. С тех пор как он встретил Ся Сицина, он редко видел, чтобы тот писал в этом стиле. Большинство из них — изысканная и элегантная классика.

Услышав его слова, Чжоу Цзихэн также сосредоточился на картинах на стене. Честно говоря, большинство из этих картин очень абстрактные и даже темные. С тех пор как он встретил Ся Сицина, он редко видел, чтобы тот писал в этом стиле. Большинство из них — изысканная и

элегантная классика.

Посередине, напротив кровати, висит большая картина маслом, которая гораздо более законченная, чем другие.

Посередине, напротив кровати, висит большая картина маслом, которая гораздо более законченная, чем другие.

Человеческое лицо на картине выглядит как человеческое лицо, но оно разделено линиями на множество частей, совсем как лицо в разбитом зеркале. Глаза красные, щеки черные, а губы бледные. Каждый фрагмент имеет свой цвет, что вызывает странное ощущение.

Человеческое лицо на картине выглядит как человеческое лицо, но оно разделено линиями на множество частей, совсем как лицо в разбитом зеркале. Глаза красные, щеки черные, а губы бледные. Каждый фрагмент имеет свой цвет, что вызывает странное ощущение.

Под его худым лицом расположено черное сердце. Это самая реалистичная часть всей картины. По кровеносным сосудам, соединяющим сердце, течет черная кровь, орошающая сердце, как яд.

Под его худым лицом расположено черное сердце. Это самая реалистичная часть всей картины. По кровеносным сосудам, соединяющим сердце, течет черная кровь, орошающая сердце, как яд.

Ся Сицин спокойно смотрел на картину своими глазами, не говоря ни слова.

Ся Сицин спокойно смотрел на картину своими глазами, не говоря ни слова.

Чжоу Цзихэн мог чувствовать его эмоциональные изменения. Принцип этого был даже ему не ясен. Это было так, как если бы сердца их двоих были связаны тонкой красной линией. Как только сердце Ся Сицина немного дрогнет, эта линия будет натягиваться, вытягивая его сердце.

Чжоу Цзихэн мог чувствовать его эмоциональные изменения. Принцип этого был даже ему не ясен. Это было так, как если бы сердца их двоих были связаны тонкой красной линией. Как только сердце Ся Сицина немного дрогнет, эта линия будет натягиваться, вытягивая его сердце.

Кажется, он говорит:

Кажется, он говорит:

Кажется, он говорит:

— Эй, человек, который мне нравится, грустный.

— Эй, человек, который мне нравится, грустный.

— Эй, человек, который мне нравится, грустный.

Чжоу Цзихэн выключил фен, взъерошил волосы Ся Сицина и дважды поцеловал его в макушку:

Чжоу Цзихэн выключил фен, взъерошил волосы Ся Сицина и дважды поцеловал его в макушку:

Чжоу Цзихэн выключил фен, взъерошил волосы Ся Сицина и дважды поцеловал его в макушку:

— В чем дело? - Он мог видеть, что глаза Ся Сицин смотрели на картину, поэтому он попытался спросить. — Что это за картина?

— В чем дело? - Он мог видеть, что глаза Ся Сицин смотрели на картину, поэтому он попытался спросить. — Что это за картина?

— В чем дело? - Он мог видеть, что глаза Ся Сицин смотрели на картину, поэтому он попытался спросить. — Что это за картина?

В голосе Ся Сицина не было особых эмоций, как будто он отвечал, какая сегодня погода:

В голосе Ся Сицина не было особых эмоций, как будто он отвечал, какая сегодня погода:

В голосе Ся Сицина не было особых эмоций, как будто он отвечал, какая сегодня погода:

— Мой автопортрет. - Закончив говорить, он добавил. — Автопортрет прошлого.

— Мой автопортрет. - Закончив говорить, он добавил. — Автопортрет прошлого.

— Мой автопортрет. - Закончив говорить, он добавил. — Автопортрет прошлого.

Похоже, что добавление этого предложения может заставить Чжоу Цзихэна чувствовать себя менее огорченным.

Похоже, что добавление этого предложения может заставить Чжоу Цзихэна чувствовать себя

менее огорченным.

Похоже, что добавление этого предложения может заставить Чжоу Цзихэна чувствовать себя менее огорченным.

Но даже он чувствовал, что это совершенно бесполезно, поэтому он повернулся и завернулся в прохладное летнее одеяло, лежа на боку и закрыв глаза.

Но даже он чувствовал, что это совершенно бесполезно, поэтому он повернулся и завернулся в прохладное летнее одеяло, лежа на боку и закрыв глаза.

Но даже он чувствовал, что это совершенно бесполезно, поэтому он повернулся и завернулся в прохладное летнее одеяло, лежа на боку и закрыв глаза.

— Я так устал. - Голос Ся Сицина был очень мягким. — Давай пойдем спать.

— Я так устал. - Голос Ся Сицина был очень мягким. — Давай пойдем спать.

— Я так устал. - Голос Ся Сицина был очень мягким. — Давай пойдем спать.

Чжоу Цзихэн лег рядом с ним и нежно похлопал его по плечу, пытаясь уговорить его уснуть.

Чжоу Цзихэн лег рядом с ним и нежно похлопал его по плечу, пытаясь уговорить его уснуть.

Чжоу Цзихэн лег рядом с ним и нежно похлопал его по плечу, пытаясь уговорить его уснуть.

Но прошло много времени, а Ся Сицин не заснул. Его ресницы отбрасывали дрожащую тень в свете прикроватной лампы.

Но прошло много времени, а Ся Сицин не заснул. Его ресницы отбрасывали дрожащую тень в свете прикроватной лампы.

Но прошло много времени, а Ся Сицин не заснул. Его ресницы отбрасывали дрожащую тень в свете прикроватной лампы.

Чжоу Цзихэн держал его в своих объятиях, обеспечивая ему достаточную безопасность.

Чжоу Цзихэн держал его в своих объятиях, обеспечивая ему достаточную безопасность.

Чжоу Цзихэн держал его в своих объятиях, обеспечивая ему достаточную безопасность.

— Ты знаешь, почему я снимаю этот дом? – Ся Сицин все еще закрывал глаза, он всегда был где-то необъяснимо упрям.

— Ты знаешь, почему я снимаю этот дом? – Ся Сицин все еще закрывал глаза, он всегда был где-то необъяснимо упрям.

— Ты знаешь, почему я снимаю этот дом? – Ся Сицин все еще закрывал глаза, он всегда был где-то необъяснимо упрям.

— Поскольку он очень маленький, маленький дом не будет пустовать.

— Поскольку он очень маленький, маленький дом не будет пустовать.

— Поскольку он очень маленький, маленький дом не будет пустовать.

— Да. – Ся Сицин продолжил. — Я приехал в Италию почти для того, чтобы сбежать от прошлого, но я обнаружил, что после того, как я приехал сюда, я снова стал человеком. Я был единственным китайским учеником в своем классе. В то время мой итальянский был не очень хорош. Много раз, когда другие ругали меня за моей спиной, я мог различать только свои глаза.

— Да. – Ся Сицин продолжил. — Я приехал в Италию почти для того, чтобы сбежать от прошлого, но я обнаружил, что после того, как я приехал сюда, я снова стал человеком. Я был единственным китайским учеником в своем классе. В то время мой итальянский был не очень хорош. Много раз, когда другие ругали меня за моей спиной, я мог различать только свои глаза.

— Да. – Ся Сицин продолжил. — Я приехал в Италию почти для того, чтобы сбежать от прошлого, но я обнаружил, что после того, как я приехал сюда, я снова стал человеком. Я был единственным китайским учеником в своем классе. В то время мой итальянский был не очень хорош. Много раз, когда другие ругали меня за моей спиной, я мог различать только свои глаза.

Чжоу Цзихэн нахмурился:

Чжоу Цзихэн нахмурился:

Чжоу Цзихэн нахмурился:

— За что тебя ругали?

— За что тебя ругали?

— За что тебя ругали?

— Уроды, похожие на женщин или что-то в этом роде... - Ся Сицин вздохнул, — Но на самом деле, я не сильно возражаю против этого. Это ничто по сравнению с тем, что происходило, когда я был ребенком. И позже я также стал социальным центром этого круга, что довольно иронично.

— Уроды, похожие на женщин или что-то в этом роде... - Ся Сицин вздохнул, — Но на самом деле, я не сильно возражаю против этого. Это ничто по сравнению с тем, что происходило, когда я был ребенком. И позже я также стал социальным центром этого круга, что довольно иронично.

— Уроды, похожие на женщин или что-то в этом роде... - Ся Сицин вздохнул, — Но на самом деле, я не сильно возражаю против этого. Это ничто по сравнению с тем, что происходило, когда я был ребенком. И позже я также стал социальным центром этого круга, что довольно иронично.

— Но в то время мой учитель очень беспокоился обо мне. Он чувствовал, что у меня очень серьезная психологическая проблема. Если я продолжу использовать живопись, чтобы выразить свое искаженное сердце, это только подтолкнет меня к еще более опасной ситуации. - Ся Сицин опустил уголок рта и протянул. — Однажды он отказался позволить мне рисовать, поэтому позволил мне учиться и путешествовать по Европе.

— Но в то время мой учитель очень беспокоился обо мне. Он чувствовал, что у меня очень серьезная психологическая проблема. Если я продолжу использовать живопись, чтобы выразить свое искаженное сердце, это только подтолкнет меня к еще более опасной ситуации. - Ся Сицин опустил уголок рта и протянул. — Однажды он отказался позволить мне рисовать, поэтому позволил мне учиться и путешествовать по Европе.

— Но в то время мой учитель очень беспокоился обо мне. Он чувствовал, что у меня очень серьезная психологическая проблема. Если я продолжу использовать живопись, чтобы выразить свое искаженное сердце, это только подтолкнет меня к еще более опасной ситуации. - Ся Сицин опустил уголок рта и протянул. — Однажды он отказался позволить мне рисовать, поэтому позволил мне учиться и путешествовать по Европе.

Чжоу Цзихэн подумал о картине:

Чжоу Цзихэн подумал о картине:

Чжоу Цзихэн подумал о картине:

— Итак, эта картина была написана вами в то время.

— Итак, эта картина была написана вами в то время.

— Итак, эта картина была написана вами в то время.

— Да. - Ся Сицин внезапно поднял глаза. — Я был таким в то время, я не буду тебе лгать.

— Да. - Ся Сицин внезапно поднял глаза. — Я был таким в то время, я не буду тебе лгать.

— Да. - Ся Сицин внезапно поднял глаза. — Я был таким в то время, я не буду тебе лгать.

Конечно, я не хочу, чтобы ты видел мою темную сторону. Конечно, я хочу скрыть эти опустошенные, уродливые полуразрушенные районы и все мои слабые и декадентские одинокие времена. Но как я могу сказать, что это не я.

Конечно, я не хочу, чтобы ты видел мою темную сторону. Конечно, я хочу скрыть эти опустошенные, уродливые полуразрушенные районы и все мои слабые и декадентские одинокие времена. Но как я могу сказать, что это не я.

Конечно, я не хочу, чтобы ты видел мою темную сторону. Конечно, я хочу скрыть эти опустошенные, уродливые полуразрушенные районы и все мои слабые и декадентские одинокие времена. Но как я могу сказать, что это не я.

У меня так много лицемерных моментов, но, по крайней мере, перед тобой я не хочу притворяться.

У меня так много лицемерных моментов, но, по крайней мере, перед тобой я не хочу притворяться.

У меня так много лицемерных моментов, но, по крайней мере, перед тобой я не хочу притворяться.

Потому что ты появился и подарил мне любовь, которой у меня никогда раньше не было. Ты говоришь мне, что я красив. Тогда я... Давайте поверим в это на некоторое время.

Потому что ты появился и подарил мне любовь, которой у меня никогда раньше не было. Ты говоришь мне, что я красив. Тогда я... Давайте поверим в это на некоторое время.

Потому что ты появился и подарил мне любовь, которой у меня никогда раньше не было. Ты говоришь мне, что я красив. Тогда я... Давайте поверим в это на некоторое время.

Сознание Ся Сицин постепенно погружалось в мягкое состояние, подобное облакам, но глубже

облаков.

Сознание Ся Сицин постепенно погружалось в мягкое состояние, подобное облакам, но глубже облаков.

Сознание Ся Сицин постепенно погружалось в мягкое состояние, подобное облакам, но глубже облаков.

Он смутно чувствовал, что люди вокруг него ушли, но он не знал, было ли это сном или реальностью, он чувствовал себя взволнованным и не мог протянуть руку, чтобы крепко обнять его.

Он смутно чувствовал, что люди вокруг него ушли, но он не знал, было ли это сном или реальностью, он чувствовал себя взволнованным и не мог протянуть руку, чтобы крепко обнять его.

Он смутно чувствовал, что люди вокруг него ушли, но он не знал, было ли это сном или реальностью, он чувствовал себя взволнованным и не мог протянуть руку, чтобы крепко обнять его.

Сознание просто вот так распалось, понемногу проходя мимо.

Сознание просто вот так распалось, понемногу проходя мимо.

Сознание просто вот так распалось, понемногу проходя мимо.

Когда они проснулись на следующий день, солнце уже заполнило всю маленькую спальню, разбрызгиваясь по светло-голубому летнему одеялу, которым они были укрыты.

Когда они проснулись на следующий день, солнце уже заполнило всю маленькую спальню, разбрызгиваясь по светло-голубому летнему одеялу, которым они были укрыты.

Когда они проснулись на следующий день, солнце уже заполнило всю маленькую спальню, разбрызгиваясь по светло-голубому летнему одеялу, которым они были укрыты.

Летний ветерок шевелил занавески и стучал в оконное стекло лучом аромата двойных лепестков луны.

Летний ветерок шевелил занавески и стучал в оконное стекло лучом аромата двойных лепестков луны.

Летний ветерок шевелил занавески и стучал в оконное стекло лучом аромата двойных лепестков луны.

Ся Сицин проснулся и поднял руку, чтобы прикрыть солнце тыльной стороной ладони. Он не открывал глаза, пока его сознание постепенно не вернулось в его мягкое тело.

Ся Сицин проснулся и поднял руку, чтобы прикрыть солнце тыльной стороной ладони. Он не открывал глаза, пока его сознание постепенно не вернулось в его мягкое тело.

Ся Сицин проснулся и поднял руку, чтобы прикрыть солнце тыльной стороной ладони. Он не открывал глаза, пока его сознание постепенно не вернулось в его мягкое тело.

Чжоу Цзихэн все еще спит, и его спящее лицо очень красиво.

Чжоу Цзихэн все еще спит, и его спящее лицо очень красиво.

Чжоу Цзихэн все еще спит, и его спящее лицо очень красиво.

Он обычно вставал в спешке, когда был дома, и Ся Сицин редко видел его спящее лицо, поэтому он лег на бок и некоторое время наблюдал.

Он обычно вставал в спешке, когда был дома, и Ся Сицин редко видел его спящее лицо, поэтому он лег на бок и некоторое время наблюдал.

Он обычно вставал в спешке, когда был дома, и Ся Сицин редко видел его спящее лицо, поэтому он лег на бок и некоторое время наблюдал.

Когда Цзихэн заснул, каждый край и закоулок стал мягким, как покрытая туманом далекая гора.

Когда Цзихэн заснул, каждый край и закоулок стал мягким, как покрытая туманом далекая гора.

Когда Цзихэн заснул, каждый край и закоулок стал мягким, как покрытая туманом далекая гора.

Ся Сицин подумал, не купить ли ему какой-нибудь местный фирменный завтрак, поэтому сел, повертел шей и приготовился встать с постели, чтобы умыться.

Ся Сицин подумал, не купить ли ему какой-нибудь местный фирменный завтрак, поэтому сел, повертел шей и приготовился встать с постели, чтобы умыться.

Ся Сицин подумал, не купить ли ему какой-нибудь местный фирменный завтрак, поэтому сел, повертел шеей и приготовился встать с постели, чтобы умыться.

Как ни странно, он обнаружил на столике у кровати коробку цветных карандашей, разбросанных по всему столу, и несколько шариков из макулатуры.

Как ни странно, он обнаружил на столике у кровати коробку цветных карандашей, разбросанных по всему столу, и несколько шариков из макулатуры.

Как ни странно, он обнаружил на столике у кровати коробку цветных карандашей, разбросанных по всему столу, и несколько шариков из макулатуры.

Сначала он не обратил на это особого внимания, но когда посмотрел прямо на противоположную стену, то невольно вздрогнул.

Сначала он не обратил на это особого внимания, но когда посмотрел прямо на противоположную стену, то невольно вздрогнул.

Сначала он не обратил на это особого внимания, но когда посмотрел прямо на противоположную стену, то невольно вздрогнул.

Автопортрет самого себя исчез. В центре стены, оштукатуренной картиной, есть картина с плохим мастерством и даже немного забавная. На ней изображено лицо мальчика с ослепительной улыбкой. Цвет цветного свинца мягкий, как на детской картине, нарисованной ребенком.

Автопортрет самого себя исчез. В центре стены, оштукатуренной картиной, есть картина с плохим мастерством и даже немного забавная. На ней изображено лицо мальчика с ослепительной улыбкой. Цвет цветного свинца мягкий, как на детской картине, нарисованной ребенком.

Автопортрет самого себя исчез. В центре стены, оштукатуренной картиной, есть картина с плохим мастерством и даже немного забавная. На ней изображено лицо мальчика с ослепительной улыбкой. Цвет цветного свинца мягкий, как на детской картине, нарисованной ребенком.

Он с сомнением подошел и присмотрелся повнимательнее.

Он с сомнением подошел и присмотрелся повнимательнее.

Он с сомнением подошел и присмотрелся повнимательнее.

Оказалось, что внизу была написана строка слов, и красивый почерк сделал стиль рисования еще более наивным.

Оказалось, что внизу была написана строка слов, и красивый почерк сделал стиль рисования еще более наивным.

Оказалось, что внизу была написана строка слов, и красивый почерк сделал стиль рисования еще более наивным.

[Портрет Ся Сицина. Автор: Чжоу Цзихэн]

[Портрет Ся Сицина. Автор: Чжоу Цзихэн]

[Портрет Ся Сицина. Автор: Чжоу Цзихэн]

Автору есть что сказать: вчера я увидел комментарий в разделе комментариев. Он был так хорошо написан, что я могу поделиться им с вами.

Автору есть что сказать: вчера я увидел комментарий в разделе комментариев. Он был так хорошо написан, что я могу поделиться им с вами.

Автору есть что сказать: вчера я увидел комментарий в разделе комментариев. Он был так хорошо написан, что я могу поделиться им с вами.

[Любовь Ся Сицин к себе - это просто любовь к дому и вороне.]

[Любовь Ся Сицин к себе - это просто любовь к дому и вороне.]

[Любовь Ся Сицин к себе - это просто любовь к дому и вороне.]

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284255>